

8 февраля 1944 года в Москве состоялся IX пленум правления Союза советских писателей. Стенограммы выступлений его участников, приехавших с фронтов Великой Отечественной войны, из разных областей страны, ныне хранятся в ЦГАЛИ СССР. Сегодня в некоем сокращении мы предлагаем читателям «Литературной России» выступление на пленуме Всеволода Бишинского.

Всеволод
ВИШНЕВСКИЙ: ☆☆☆☆☆☆☆☆☆☆

«ПОНЯТЬ МОМЕНТ ВЕЧНОГО»

[illegible]

Идут решающие бои. Много пролито крови. Война еще не вырешена. Но силы народа, возможности народа таковы, что всюду мы уже видим, — как видим в феврале, марте пробуждение весны — пробуждение новых созидательных сил...

Наши войска форсировали Нарву, дерутся уже на эстонской территории. Задолго до этого удара в Ленинграде собирали музейных работников, собирали людей, умеющих реставрировать все ценное, собирали рабочих-ремонтников — это было выражением абсолютной веры в силы народа.

Послезавтра мы все расста-
немся, вернемся на фронт доби-
вать немцев — и в чем боль-
шем колдовстве, тем лучше, —
но мы собрались здесь говорить
о самом главном, большем — о
жизни и о всем том, что мы вы-
несли из войны. Многие нами
во время войны понято. Но
много лично, впервые за 26 лет,
блестящее слово «товарищ» —
старинное русское киевское
слово «товариш», которое боль-
шевики вызвали к жизни. Это
значит человек того рока, того
года, той судьбы — в фонетиче-
ском изменении это значит «то-
варошский», «товарищный». Ему
около тысячи лет. И мы поняли
значение этого слова. Люди од-
ного года, одной судьбы, братья,
любимые, дорогие...

В Ленинграде не было большой радости для меня, как развернуть газету, увидеть: вот — жизнь, вот — пишет. Мы делали там сводки: где наши писатели, где наш союз. Каждая строчка, написанная из Ташкента, с Урала, с моря, была для меня настоящей большой радостью. Рад, что тысячи человек работают в армии и во флоте. Я особенно рад потому, что все, что приходилось видеть в жизни, в этих стенах, в нашей семье, с такой грибуны было посвящено войне, войне и еще раз войне, и это было движение ЛОКАФа, знания труда, оправданное жизнью.

Не всегда нас понимали... Эстетически критически смотрели на

— ты был в жизни, ты был в деле, в бсю, ты делал то, что надо.

Я рад, что наша работа, которая объединяла десятки и сотни писателей, которую мы начинали в доме на Невском, где мы применительно к будущим, вероятно, операциям, обучали ряд писателей, что эта работа дала известные результаты, и по мере приближения военной опасности заставила людей шире и шире, глубже и глубже заниматься военными проблемами.

Когда мы будем искать корни нашей победы, оценивать работу нашей интеллигенции, мы поймем, как Союз советских писателей правильно откликнулся на требования времени. Мы преодолели трудности. Писатели армии и флота проделали огромную работу, которая не поддается учету. Она еще будет собрана и изучена. Но если тысяча человек в течение двух с лишним лет — война идет более 900 дней — и если каждый день писалось по одной работе — это, очевидно, будет миллионы работ, ибо не представляю себе, что люди в армии и флоте могли истратить день даром. На Балтике каждый пишет каждый день. Трудно, но пишем, пишем, пишем — действуем. Если обстановка потребует, чтобы я писал стихи о том, как русские войска войдут в Берлин, я буду писать стихи и верю, что напишу.

Какой образ перед нами — писателями армии и флота? Это образ Пушкина. Сильный, светлый образ человека, который, заметив врага, устремился в атаку, который стал драться с бенкендэрфами, дубельтами, дантесами за свободу, за свой народ, за честь: образ человека, который, смертельно раненный, упал и, опираясь рукой о снег, заставил себя подняться и произвел выстрел.

Вот это русский человек, это писатель. Образ Пушкина был перед нами в Ленинграде. Такие люди перед нами стоят. Такие люди нас учат. Союз советских писателей создал такие примеры. Союз советских писателей

потерял до 100 убитых писателей.

Хочу вспомнить тяжело рухнувшего на землю раненого, пробитого одиннадцатью пулями Ставского. И последним движением этого человека было, когда он, умирая, ощутил, что подал в повушку, порвать документы, чтобы они не попали врагу. Так и остались смятые документы в этих скрюченных пальцах...

Образ погибшего в связи с Севастопольской обороной Петрова. Образ Крымова, который, погибая, написал письмо жене, и это письмо, спустя два года с лишним, пришло в Москву. Образ Лалина, Хацревина...

Наша балтийская группа потеряла больше 50 процентов... Эти писатели отдавали все силы борьбе...

Как дрались моряки за город Ленина! Немцы превосходили нас многократно. Их было несколько сот тысяч с лишним — кадровых обученных войск. Нас было меньше. Балтийский флот дал свои силы на берег. Тысячи матросов пошли в окопы. Это было трудно, потому что люди приходили: разрешите выйти в море, разрешите пойти на любой таранный удар. Когда летчик идет на таранный удар — гиб-

реализь. Была команда: коммунисты, комсомольцы — на левый борт, руками отталкивать немецкие мины. А немецкие плавучие мины нового образца — это очень серьезная штука. Одного их удара старые корабли не выдерживали... Коммунисты и комсомольцы — на левый борт отталкивать эти плавучие мины. Тут мимо шел транспорт из Таллина, они начали стрелять в одну мину. С трудом удалось убедить их, что это приводит к плохим результатам. И вот видим, плывет курсант-якорек.

Видим — человеку трудно, он плывет с взорвавшегося корабля.
— Эй, дадим конец!

А он повернулся, посмотрел, увидел еще одну мину.

— Отставить конец. Еще одна мина.

И поплыл в темноту. И что с ним сделалось — не знаем. Должно быть, погиб.

Или подводная лодка... Последний отсек затоплен. Бульканье воды. И только в боковом отсеке остались трое людей, и, как у нас на флоте принято, по очереди должны спастись. Уговорились, обнялись, перекрестились: первый пошел — нырнул, вынырнул. Минуты две проходит. Товарищи не выхо-

свою поэму Вера Инбер. Как смотрели на нее моряки... Когда она приехала на наш линкор, вот что сказали ребята:

— Вот наша мама. Это точно человек!

Мы были благодарны за приезд, которые нас одушевляли, так как не хватало иногда литературного общения и информации. Приезжали из Союза писателей. Особенно запомнился мне приезд Александра Фадеева. Он рассказывал много, шел в окопы и на корабли. Мы сидели с ним на одном посту на берегу Невы. Стреляли из немецких окопов. Посмотрели друг на друга: в чем дело, Саша? Так, по-человечески, и все стало ясно. Жизнь, жизнь...

Мы многое старались делать. Делали все, что в наших силах. Мы можем сказать, что «атмосфера» командованием была создана. И Военный Совет, и Политуправление, и Главное политуправление так говорили: «Вы что-нибудь задумали? Хотите два месяца, хотите 3—4—5—6? Работайте так, как нужно»...

Несколько слов о том, какие вопросы стоят перед нами. Нам надо как-то понять войну, понять момент перемены, эволюции, понять момент вечного. Горбачев говорил, что эта война абсолют-но непохожа на гражданскую... Но небо, на которое глядел Андрей Болконский, такое же, на какое глядели наши ленинградцы в осажденном Ленинграде, на какое глядели москвичи, защищая родную Москву. Та же земля, те же реки, те же названия, тот же язык; слово «товарищ», которое прошло тысячелетия, с Киевской Руси и стало боевым.

Меня не раз охватывало чувство, что я это уже видел и чувствовал. Мы и в этом должны разобраться. Мы должны рассказать о войне, рассказать о русской советской стратегии, о том, как война эта выигрывается и выиграна. Мы должны потрудиться много в научном и научно-теоретическом плане.

Мне хочется сказать, что нам нужно очень много уделить писательского внимания теме России. Мы должны спуститься в низы, узнать, чего хочет народ в результате этой войны. Надо послушать об этом. Нам хотелось бы, чтобы Россия была первой страной в мире. Мы хотим, чтобы индустрия у нас была удвоена и утроена... Мы хотим видеть свою страну мощной и богатой. ...Мы хотим, чтобы русские товары вызывали у людей восхищение. Мы хотим, чтобы русская сталь, русская кожа, русское сукно, русские материалы были лучшими. Мы хотим достичь во всех областях наивысших качественных показателей. И мы хотим решить эту задачу и будем ее решать после войны всем напряжением сил. Писатели должны об этом подумать, они должны будить эти мысли в людях, они должны услышать, что хотят люди после войны.

Наконец надо, подходя к этому вопросу, думать глубоко о роли партии, той партии, которая определила все наши успехи и победы; партии, которая за несколько десятилетий страну темную и отсталую вывела на первое место в мире; партии, которая вооружила людей, предупреждала их от ошибок; партии, которая дала людям свет и культуру; партии должны посвящать мы свои лучшие работы.

Народ, как показала эта война, сильный и здоровый телом и душой. Перед этим народом огромное будущее. О деле народа, о его войне, о его будущем мы, писатели, будем писать и отдадим этому делу все свои силы.

Публикация
научных сотрудников
ЦГАЛИ СССР
Сергея БЛИНОВА,
Андрея ЗАЙЦЕВА